

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2025, Том 13, № 1 / 2025, Vol. 13, Iss. 1 <https://mir-nauki.com/issue-1-2025.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN125.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Медведев, А. М. Любовь: исторический и философско-психологический анализ противоречий /
А. М. Медведев, И. В. Жуланова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 1. — URL:
<https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN125.pdf>

For citation:

Medvedev A.M., Zhulanova I.V. Love: historical and philosophical-psychological analysis of contradictions. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(1): 79PSMN125. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN125.pdf>.
(In Russ., abstract in Eng.)

УДК 159.9.01

Медведев Александр Михайлович

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия
Институт урбанистики и глобального образования
Лаборатория проектирования деятельности содержания образования
Ведущий научный сотрудник
Кандидат психологических наук
E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642349
SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=36802216800>

Жуланова Ирина Викторовна

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия
Дирекция образовательных программ
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: irina.julanova2010@yandex.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=322649

Любовь: исторический и философско-психологический анализ противоречий

Аннотация. Статья посвящена историческим и культурным коллизиям, которые пережила человеческая любовь, и ее пониманию мыслителями различных эпох от Античности до нашего времени. Замысел исторической реконструкции определялся идеей трансисторизма. Согласно этой идее, есть образы и ситуации, которые трансцендентны по отношению к создавшей их историко-культурной формации. Они сохраняются и в современной культуре, продолжая формировать ориентиры сознания человека в такой важной области как построение интимно-личных отношений, претендующих на проявления любви и достижение счастья. Цель статьи — предоставить студентам, изучающим психологию, историческую справку и ориентировку в понимании такого сложного явления как человеческая любовь. Кроме этого, нами руководило амбициозное намерение приблизить такой предмет к области культурно-исторической психологии, поскольку любовь — явление, несомненно, психологичное и при этом опосредствованное культурными канонами. До сих пор этот предмет изучался преимущественно в психоаналитической традиции. В статье представлен пунктирный исторический экскурс, построенный в опоре на работы известных историков, философов и психологов. Такими опорами стали труды Платона, ап. Павла, К. Александрийского, Я. Шпренгера и Г. Крамера, Э. Фукса, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, З. Фрейда, В. Райха, Э. Фромма и Г. Маркузе. Фиксированные нами исторические прототипы образов и

прототипы отношений мужского и женского использовались при построении проективных методик, выявляющих представления современной молодежи о любви и семейном счастье.

Ключевые слова: любовь; Античность; Средневековье; христианство; дьяволоборчество; куртуазная любовь; брачный контракт; сексуальная революция; продуктивная любовь; Великий отказ

Удивительно, как мало внимания уделяют эмпирические науки теме любви. Особенно странным представляется отсутствие интереса у психологов

Абрахам Маслоу

Вряд ли есть какое-нибудь слово, которое было бы столь путанным и двусмысленным, как слово «любовь». Им обозначают чуть ли не любое чувство, исключая только ненависть и отвращение

Эрих Фромм

Введение

Этот краткий обзор предназначен для элективного курса и для ориентировки тех, кто решил связать свои курсовые, дипломные и магистерские работы с темой человеческой любви. Курсовые и дипломные работы предполагают обоснование и проблематизацию, причем проблемы должны быть не бытовыми, а научно осмысленными. Предлагаемый вариант осмысления — реконструкция исторически унаследованных коллизий и противоречий человеческой любви в предположении, что их отпечаток можно обнаружить и в сегодняшних отношениях мужчины и женщины.

Выстраивая содержание и композицию текста, мы руководствовались идеей, высказанной В.С. Библером [1]: состоявшиеся и получившие собственное оформление культурные образования окончательно не исчезают, они сохраняются в жизни современного человека как «голоса культур». «Культура, — пишет В.С. Библер, — ... это “наследственность” увеличивающегося числа самостоятельных, уникальных, сопряженных друг с другом в диалоге (не в “снятии”) типов культуры, “формаций культуры”, не сводимых друг к другу и не снимаемых друг в друге...» [1, с. 74]. С этим ассоциируется высказывание Б.Д. Эльконина: «...В наличном социальном бытии во все эпохи и особенно в нашу смешаны фрагменты всех возможных форм... И в воспитании детей, и в профессиональных сферах, и в быту наличествуют как сколки ритуалов, так и элементы вещных преобразований и обращений...» [2, с. 38].

Импульсом к этой работе стал прозвучавший однажды в общении со студентами — будущими психологами — вопрос-удивление: почему мы изучаем перцепцию и апперцепцию, инсайт и гештальт, но не рассматриваем тему любви? Указания на курс сексологии и курс психологии семьи показались им неубедительными. Действительно, тема любви не представлена в учебниках, не предлагается для курсовых и дипломных работ, а если предлагается, то не прямо, а в контексте изучения гендерной идентичности или гендерных стереотипов. В теориях периодизации развития она представлена только в превращенных формах — то в качестве стадий оформления врожденной сексуальности (в теории З. Фрейда), то как ведущая деятельность интимно-личного общения (в периодизации Д.Б. Эльконина), то

как сексуальная поляризация в противопоставлении сексуальной диффузности (в эпигенетической модели Э. Эриксона).

Любовь человека к человеку — «вечная тема», имеющая множество исторических, культурных и религиозных вариаций и коннотаций [3]. Наше рассмотрение этого множества будет скорее пунктирным, чем систематическим. Придерживаясь исторической канвы, мы фиксировали некоторые «формации», упрочившиеся в культуре и дошедшие до современности. При обращении к сложившимся в истории европейской цивилизации проявлениям любви, мы обратили внимание на то, что и сам феномен любви и отношение к ней неизменно несут в себе противоречивость. Противоречия запретного и одобряемого, уродливого и прекрасного, рыночно-продажного и собственно человеческого сопровождают любовные отношения во все эпохи.

Эрот Платона

В европейской традиции, начиная с Античности, признается важнейшее значение любви для человека и при этом свойственная ей дихотомия телесного (низшего) и духовного (высшего).

В диалогах «Пир» Платон (429–347 гг. до Р.Х.) — устами Федра, персонажа этих диалогов — утверждает главенство Эрота над другими богами. «... Эрот является самым старшим из богов, — говорит Федр. — Будучи самым старшим, он оказывается для нас виновником величайших благ... Ведь того, чем должны руководствоваться люди, собирающиеся прожить всю свою жизнь прекрасно, им не в состоянии внедрить ни родство, ни богатство, ни что-либо иное столь прекрасным образом, как способна это сделать любовь».¹

Другие участники платоновского «Пира» соглашались с этим, но находят в проявлениях Эрота противоречивые стороны. Так, вступивший в диалог Павсаний замечает, что любое явление «...само по себе не заключает ничего прекрасного; но оно становится таковым в действии, именно как оно будет совершаться: если совершается оно прекрасно и правильно, то становится прекрасным, если неправильно — постыдным. То же самое и с понятием “любовь”. Не всякий Эрот прекрасен и достоин восхваления, но только тот, кто прекрасно направляет к любви».¹ Далее в речи Павсания возникает тема телесной и «добронравственной» любви. «А тот поклонник ..., любящий более тело, чем душу, — говорит Павсаний, — дурен; да он и непостоянен, так как предмет его любви непостоянен. Когда тело, которое он любил, перестанет цвести, он “улетел”, осрамяв все свои речи и обещания. А поклонник добронравственный остается на всю жизнь, так как он “сплавился” с чем-то постоянным».¹

В этом же произведении Платона находим упоминание андрогина — существа, соединяющего в себе мужское и женское. О нем поведал, вступивший в разговор Аристофан: «Имели эти люди страшную крепость и силу, и замыслы у них были великие. Они посягали на богов, и то, что говорит Гомер об Эфиальте и Оте², относится и к ним — именно, они посягали взобраться на небо с целью напасть на богов».² Разгневанный Зевс рассек их надвое. «Когда человеческий организм был рассечен пополам, — продолжает свою речь Аристофан, — каждая половина его, вождедая другой половины, стала сходиться с ней. Обхватив друг друга руками и сплетясь между собою, они стремились к соитию. Они умирали от голода и вообще от в

¹ Платон. Пир / Перевод С.А. Жебелева. [Электронный ресурс]. — URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/Academia/005-01.pdf> (дата обращения 26.09.2024).

² В Илиаде, V, 385 сл., и в Одиссее, XI, 305 сл., рассказывается, как От и Эфиальт — мифологические братья-близнецы — покушались на величие Олимпа, и надменно задумали взгромоздить гору Осса, а на нее — Пелион, чтобы осадить Олимпийцев. Аристофан предполагает, что андрогини решились на подобное покушение.

бездействия, так как ничего не хотели делать одна без другой. И всякий раз, когда одна половина умирала, а другая оставалась жить, последняя искала другую половину и сплеталась с ней...».¹ Идея поиска своей половины пережила тысячелетия и в сегодняшнем бытовом языке упоминание «второй половины» как указание на супруга или супругу стало обыденно-привычным.

Ранее христианство: Божественная любовь vs грех прелюбодеяния

Вернемся к обещанию хронологической последовательности.

В христианстве любовь приобретает субстанциональный смысл как онтологическое проявление Бога и как завет человеку. Это ярко выражено апостолом Павлом (5–67 гг.). «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал³ звучащий, — говорит апостол Павел в Главе 13 Первого послания Коринфянам. — Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне *в том* никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [4, с. 214]. Смысл, значение того, что здесь именуется любовью, раскрывается в начале следующей, четырнадцатой главы: «Достигайте любви: ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать» [4, с. 215]. Т. е. смысл состоит в том, чтобы, причастившись Божественной любви, обретя духовный дар пророчества и став Посредником, нести эту любовь людям. Без любви дар пророчества пуст, лишен смысла.

Тема земной любви в текстах Нового Завета представлена указаниями на необходимость создания прочных семейных уз и на необходимость продолжения рода. В Посланиях апостола Павла эта позиция выражена достаточно ясно:

«Муж оказывай жене должное благорасположение, подобно и жена мужу» (Первое Послание Коринфянам, гл. 7.3) [4, с. 208].

«Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но греет ее, как Господь Церковь» (Послание к Ефессянам, гл. 5.28-29) и т. п. [5, с. 238].

Отношение к земной, плотской любви в христианстве постепенно начинает оттеняться признанием греховности прелюбодеяния.

Климент Александрийский (примерно 150–215 гг.) пишет об этом следующее: «Разделяю мнение Антисфена⁴, который говорит: “Если бы я поймал Афродиту, то пронзил бы ее стрелой. Скольких прекрасных и честных женщин она развратила!”. Тот же Антисфен называл эрос “природным злом”. “Те же несчастные, — говорит он далее, — что позволяют себе впасть в эту беду, называют мучающую их болезнь божеством”. Отсюда видно, что люди побеждаются сладострастием лишь по неопытности и неведению. Поддаваться ему не следует, хотя бы оно и называлось божеством и допускалось Богом для размножения и продолжения

³ Кимвал (преимущественно употребляется во множественном числе — кимвалы) — ударный музыкальный инструмент из двух бронзовых тарелок, известен с глубокой древности.

⁴ Антисфен (около 445 — около 365 гг. до Р.Х.) — древнегреческий философ-моралист, основатель кинизма, одной из сократических философских школ. Проповедовал идею самодостаточности человека и стремление к самоограничению вплоть до аскетизма.

человеческого рода».⁵ Но союз мужчины и женщины в браке не считается греховным, «...иметь детей есть благо. И если это так, да здравствует брак!».⁵

Средневековье: преследование ведьм vs поклонение Прекрасной Даме

Отношение к любви в эпоху Средневековья⁶ преемственно Античности и эпохе раннего христианства, но противопоставление низшего и высшего достигает предельной остроты в связи религиозной нетерпимостью к ее греховным проявлениям. Под влиянием инквизиции эта нетерпимость доходила до истерии. С конца XV в. в Европе распространяются поверья о повсеместном присутствии ведьм, вступивших в сговор с дьяволом. В преследование ведьм постепенно втягиваются и светские власти. И только к концу XVI века римские и испанские инквизиторы стали выражать сомнения в обоснованности большинства приговоров.

Манифестом дьяволоборческой идеологии и своего рода руководством по борьбе с ведьмами можно считать самый мрачный труд по демонологии — «Молот ведьм» Я. Шпренгера и Г. Крамера, издававшийся с 1486 г. по 1669 г.

В нем, среди прочего, говорится о том, что «...дьявол стремится соблазнить более святых дев и девочек, к чему имеются основания и примеры опыта» [6, с. 121]. Тем самым признается, что даже проявления благочестия еще не ограждают от подозрений в возможной связи с дьяволом. В еще большей степени такие подозрения распространяются на падших: «Падшие девицы, ... отовсюду встречая только позор и стыд, обращаются к помощи дьявола или с целью мести, околдовать своего бывшего любовника или ту, с которой он связался, или чтобы просто заняться всеми мерзостями колдовства. И так как подобным девицам нет числа, как, к сожалению, учит опыт, то нет числа и ведьмам, вышедшим из них» [6, с. 121]. Действия ведьм весьма пагубны: «Во-первых, они внушают мужчине порочную любовь к какой-либо женщине, либо женщине к мужчине; во-вторых, они стараются посеять ненависть или зависть; в-третьих, ... “околдованные” мужчины не могут сожительствовать с женщинами или, наоборот, женщины с мужчинами...» [6, с. 131].

На полюсе, противоположном инквизиторской ортодоксии в это же время, и даже раньше, возникает течение, не низвергающее, а напротив, боготворящее женский образ. Это явление в последующем получило название куртуазной любви.⁷ Такое понимание любви формируется в период, именуемый Высоким или Классическим Средневековьем. «Во Франции это понимание возникает в XII в., — пишет О.И. Николина, — в нарождающейся культуре трубадуров, которая впоследствии оказала влияние на всю рыцарскую культуру в целом. Прежде всего, провансальская рыцарская культура положила в основание новый образ женщины. По сути, эта культура сделала возможным реабилитацию женщины, связав образ прекрасной дамы (земной женщины) с Девой Марией».⁸

⁵ Климент Александрийский. Строматы, творение учителя церкви Климента Александрийского. [Электронный ресурс]. — URL: <https://kronadaran.am/wp-content/uploads/2014/12/Климент-Александрийский.-Строматы.pdf> (дата обращения 03.09.2024).

⁶ В немецкой и английской историографии Средневековье объемлет три периода: Раннее Средневековье (конец V — середина XI в.), Высокое (Классическое) Средневековье (середина XI — конец XIV в.), Позднее Средневековье (XIV–XVI вв.).

⁷ Куртуазная любовь — от *courtois* (франц.) — учтивый, любезный, галантный, а также от *court* (ст.-франц.) — двор. — средневековая форма возвышенной любви к прекрасной даме. Куртуазную любовь возникла при дворах феодальной Франции. Современники называли ее “утонченная любовь”, позднее французский историк Гастон Парис (1839–1903 гг.) назвал этот тип отношений “куртуазным” (“придворным”).

⁸ Николина О.И. Религиозное и светское понимание феномена любви в средневековой культуре. [Электронный ресурс]. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78336/1/978-5-88687-251-4_97.pdf (дата обращения 15.09.2024).

Куртуазная любовь — это особое культурно-историческое явление, его суть состоит в проявлениях рыцарского благородства. Возникнув как романтический литературный вымысел для развлечения знати, этот канон любви стал «руководством к действию» в оформлении любовного переживания. Любовь к Прекрасной Даме находит свое выражение в совершении благих деяний «во имя», чтобы быть достойным любви. Для такой любви характерно то, что сегодня сочли бы инфантильной странностью: отсутствие стремления к близости, удержание дистанции и нарочитость в переживании любовного томления — страдание, долгое молчание, знаки внимания издалека.

Сочетание христианского аскетизма и куртуазных фантазий о Рыцаре и Прекрасной Даме стало предметом иронии в одной из работ Ю.П. Зинченко: «Жил-был рыцарь, который был ... отчаян в боях, неумерен в пирах и в отношении с противоположным полом. И вот однажды на лесной дороге вдали от жилья он встретил Прекрасную Даму, которая поразила его воображение... Ему показалось, что она зашла в храм на обочине дороги. Он вошел туда и действительно увидел ее — на иконе. Это была Дева Мария. С тех пор рыцарь стал образцовым христианином» [7; 18].

Новое время: разврат и сентиментальность

В XVII–XVIII вв. противоречия любви приобретают новые оттенки. «Всякая эпоха декаданса⁹, — пишет Эдуард Фукс (1870–1940 гг.) в “Истории нравов”, — характеризуется в половой области заметной склонностью к рафинированности наслаждения. Эта склонность обнаруживается в двух типичных явлениях — в беззастенчивом разврате, часто доходящем до противоестественности, гонящемся за все новыми техническими ухищрениями в сфере физического наслаждения, и, во-вторых, резиньяции¹⁰, известной под названием сентиментальной любви» [8, с. 171]. Далее тема противопоставления разврата и инфантилизма получает развитие-конкретизацию. «Если в разврате, до которого доводили любовь сильные натуры, — пишет Э. Фукс, — ... половой акт перестал играть главную роль, уступая это место изысканным *hors d'oeuvres*¹¹, то в сентиментальной любви импотентных натур... любовь кульминировала в ... чувствительной переписке... Если одно явление представляло собой до крайности доведенную активность, то другое — такую же крайнюю пассивность» [8, с. 172].

Образцом беспредельного возвеличивания разврата стала «философия» Донасьена Альфонса Франсуа де Сада (маркиза де Сада) (1740–1814 гг.). В предисловии-посвящении «Распутникам» к книге «Философия в будуаре или Безнравственные наставники» он пишет: «Сладострастники и сладострастницы всех возрастов и мастей, вам одним предназначен сей труд: впитайте его принципы — они, несомненно, распалят вас. Не верьте холодным скучным моралистам, усердно запугивающим вас страстями, — только с помощью чувств природа подталкивает человека к уготовленному ему пути. Доверьтесь восхитительному голосу страстей — и он непременно приведет вас к счастью» [9, с. 9].

Вернемся к Э. Фукусу. Второе, пассивно-сентиментальное, романтическое проявление эротизма, по мнению автора, получило наибольшее распространение в Германии. Это был «период чувствительной и слезливой любви, когда тратили больше чернил, чем спермы, — ибо

⁹ Обычно к эпохе декаданса относится период со второй половины XIX до начала XX века, а не то время, которое здесь описывает Э. Фукс.

¹⁰ Резиньяция — полная покорность судьбе, бездейственность и смирение.

¹¹ *Hors d'oeuvres* (франц.) — закуска, дополнение к основному блюду. В этом случае — иносказание, обозначающее место собственно полового акта в ряду других, часто извращенных, удовольствий.

для объяснения... исписывали множество листов бумаги. Поэтому Вертер¹² — ... гениальнейший анализ сущности немецкого сентиментализма как определенной философии любви...» [8, с. 174–175].

Двойственность любви в философии Канта и Гегеля

Тему двойственности человеческой любви не обошла вниманием и классическая немецкая философия. В трудах Иммануила Канта (1724–1804 гг.) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831 гг.), любовь вновь рассматривается как коллизия чувственного влечения и нравственного закона, стихии и сознательного воплощения человеческого смысла.

В философской системе И. Канта человек представлен как трансграничное существо, строящее свою жизнь на границе физического (чувственного) и морального (этического) миров. В сфере человеческой любви эта двойственность представлена, соответственно, двумя формами отношений: любовью-склонностью и любовью-благоволением.

И. Кант полагает, что любовь-склонность есть проявление чувственной природы человека. Такая любовь *возникает помимо воли человека*, определяется «эмпирическими причинами», прежде всего, влечением к объекту вожелания. И. Кант противопоставляет такой «любви-склонности», которая стихийна и патологична (буквально — чувственна) другую любовь: «...Благотворение из чувства долга, хотя бы к тому не побуждала никакая склонность и даже противостояло естественное и неодолимое отвращение, есть практическая, а не патологическая любовь. Она кроется в воле, а не во влечении чувства, в принципах действия, а не в трогательной участливости; только такая любовь и может быть предписана как заповедь» [10, с. 235].

Любовь-благодеяние (благотворение, благоволение) совершается исходя из нравственного императива. «“Любовь-благоволение” или “практическая любовь”, — пишет О.И. Мачульская в статье “Тема любви в этической концепции И. Канта”, — *интеллектуальное качество*. Она ... является производной от нравственного закона... — результат свободного и сознательного выбора личностью добра, исполнения нравственного долга. Такая любовь не может зависеть от эмпирических склонностей, непосредственных влечений и иных форм физической причинности. Она проистекает из автономной воли» [11, с. 102].

«Практическая любовь» (она же «любовь-благоволение») **сознательна и деятельна** (потому и практическая — действенная). В этом сочетании представлено то, что в последующем, в отечественной психологии, будет сформулировано как принцип единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев). Человек, совершая благодеяние в своем отношении к другому человеку, *сознательно и практически* исполняет этический принцип. «...Здесь подразумевается не просто благоволение *желания...*, — пишет И. Кант в “Метафизике нравов” — а деятельное практическое благоволение, заключающееся в том, чтобы сделать своей *целью* благополучие другого человека (благодеяние)» [12, с. 192].

У Г. Гегеля в «Философии духа» (1817 г.), благополучие другого связывается с понятием «признающего самосознания», возникающего на определенной стадии развития субъективного духа: «...*Телесные* субъекты, существуют ... в виде вещи, подчиненной *чуждой силе*, и в качестве такой вещи вступают в соприкосновение друг с другом, но в то же время являются, однако, безусловно *свободными* и не должны обходиться друг с другом, как с чем-то только данным..., как с чем-то только *природным*. Для преодоления этого противоречия необходимо, чтобы обе противостоящие друг другу самости в своем наличном бытии, в своем

¹² «Страдания юного Вертера» (нем. Die Leiden des jungen Werther) — сентиментальный роман в письмах И.В. Гёте (1774 г.), герой которого застрелился из-за неразделенной любви.

бытии-для-другого полагали бы себя как то и взаимно признавали бы себя как то, что они есть в себе, или по своему понятию — именно не только как природные, но и как свободные существа. Только так осуществляется истинная свобода... Эта свобода одного в другом соединяет людей внутренним образом; тогда как, наоборот, потребность и нужда сводит их вместе только внешне. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге» [13, с. 241].

В «Философии права» (1821 г.) смысл любви Г. Гегель определяет следующим образом: «Любовь означает вообще сознание моего единства с другим, то, что я не изолирован для себя, а обретаю мое самосознание только как отказ от своего для себя бытия и посредством знания себя как своего единства с другим и другого со мной... Первым моментом в любви является то, что я не хочу быть самостоятельным лицом для себя и что, если бы я был таковым, я чувствовал бы свою недостаточность и неполноту. Вторым моментом является то, что я обретаю себя в лице другого, что я обладаю в нем значимостью, которую он в свою очередь обретает во мне. Поэтому любовь — самое чудовищное противоречие, которое рассудок не может разрешить, так как нет ничего более неподатливого, чем эта пунктирность самосознания, она отрицается, и я все-таки должен аффирмативно ею обладать. Любовь есть одновременно создание и разрешение противоречия; в качестве его разрешения она — нравственное единение» [14, с. 208–209].

Итак, «чудовищное противоречие» и его разрешение в «нравственном единении». «Чудовищность» противоречия состоит в том, что, с одной стороны, человека привлекает в другом человеке то, что есть только в нем и в чем он испытывает острую нужду, с другой стороны, он может опасаться потери идентичности, растворения в другом. Снятие этого противоречия (гегелевское *Aufhebung* (нем.)) предполагает возникновение особого единства «Я — Ты». Это единение двух индивидов в общей со-бытийности, обладающей собственным самостоятельным сознанием (андрогинность у Платона, а позже и у В.С. Соловьева). Это рождение новой личности — одной на двоих (из двоих). Продуктом такого рождения становится объективация любви в браке. «...Брак, — пишет Г. Гегель, — ... есть правовая нравственная любовь; тем самым исключается все преходящее, зависящее от настроения и просто субъективное» [14, с. 210]. Диалектика брака определяется Г. Гегелем следующим образом: «...Объективным исходным пунктом является свободное согласие лиц, причем согласие на то, чтобы составить одно лицо, отказаться в этом единстве от своей природной и единичной личности; такое единство есть в этом отношении самоограничение, но именно потому, что упомянутые лица обретают в нем свое субстанциональное самосознание, оно есть их освобождение» [14, с. 210–211]. Заметим, что гегелевское «освобождение через самоограничение» представляется весьма странным с точки зрения современного понимания «свободной любви» — понимания, получившего распространение в XX веке и бытующего поныне.

Эпоха капитализма: любовь и рыночные отношения

С развитием производства и потребления, в связи с секуляризацией жизни общества¹³ усиливается и становится доминирующим противоречие утилитарно-вещных отношений и собственно человеческих, личностных отношений людей. Возникшая на этой основе этическая проблема сформулирована Карлом Генрихом Марксом (1818–1883 гг.). «Единственно понятный язык, на котором мы говорим друг с другом, — писал К. Маркс в конспекте и комментариях к книге Дж. Милля “Основы политической экономии”, — это наши предметы в

¹³ Секулярное течение в общественной жизни появилось в период с XVI в. по XVII в. и укрепилось в период развития науки, капитализма и образования крупных централизованных государств на экономической, а не религиозной основе.

их отношениях друг к другу. Человеческого языка мы не поняли бы, и ... одной стороной он ощущался бы и сознавался бы как просьба, как мольба и потому как *унижение* (здесь и далее курсив по цитируемому изданию, — А.М., И.Ж.)..., а другой стороной он воспринимался бы и отвергался бы как *бесстыдство* или *сумасбродство*. Мы взаимно до такой степени отчуждены от человеческой сущности, что непосредственный язык этой сущности представляется нам *оскорблением человеческого достоинства*, и, наоборот, отчужденный язык вещных стоимостей представляется чем-то таким, что вполне соответствует законному, уверенному в себе и признающему самое себя человеческому достоинству» [15, с. 35]. В культуре холодного расчета письма Вертера другу Вильгельму становятся более чем странностью и воспринимаются не иначе как помешательство.

Семья, построенная на основе денежных и утилитарно-вещных отношений, обстоятельно проанализирована в работе Фридриха Энгельса (1820–1895 гг.) «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «...Единобрачие появляется в истории отнюдь не в качестве основанного на согласии союза между мужчиной и женщиной, — пишет Ф. Энгельс, — и еще меньше в качестве высшей формы этого союза. Напротив. Оно появляется как порабощение одного пола другим ..., как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами...» [16, с. 68].

О положении женщины Ф. Энгельс пишет следующее: «...Если она выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остается вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности... И в этом отношении положение женщины одинаково как на фабрике, так и во всех областях деятельности... Современная ... семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины... Муж в настоящее время должен в большинстве случаев добывать деньги, быть кормильцем семьи..., и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается. Он в семье — буржуа, жена представляет пролетариат [16, с. 76]. Далее обосновывается, что такая семья являет собой «молекулу» буржуазного общества, а брачный контракт представляет собой по сути замаскированную форму трудового договора.

Это не то, о чем писал Г. Гегель, это вовсе не «свободное согласие лиц, причем согласие на то, чтобы составить одно лицо». То, что у Г. Гегеля рассматривается как предмет преодоления, в буржуазной семье, основанной на брачном контракте, напротив, закрепляется.

Фрейдизм, марксизм и сексуальная революция

Обсуждая тему любви, невозможно пройти мимо теории, предложенной Зигмундом Фрейдом (1856–1939 гг.), в ней сексуальное влечение представлено как конституирующее всю человеческую психологию. Сам З. Фрейд оставил обширное множество трудов, существует необъятное множество текстов, посвященных его персоне и его взглядам. Мы отметим лишь некоторые отдельные моменты, представляющие интерес в контексте нашего обзора.

З. Фрейдом была предложена периодизация психосексуального развития, в которой зрелая сексуальность определяется как генитальный характер. Генитальный характер обеспечивает полноценную способность к гетеросексуальным отношениям и продуктивность во всех сферах жизни. Но наряду с такой нормативной сексуальностью рассматриваются и отклонения от нее. «Общепринятая теория полового влечения, — пишет З. Фрейд в «Очерках по психологии сексуальности», — больше всего соответствует поэтической сказке о разделении человека на две половины — мужчину и женщину, — стремящихся вновь соединиться в любви, поэтому весьма неожиданно слышать, что встречаются мужчины, сексуальным объектом

которых является не женщина, а мужчина, и женщины, для которых таким объектом является не мужчина, а женщина. Таких людей называют извращенно-сексуальными или, лучше, инвертированными, а сам факт — инверсией» [17, с. 7].

З. Фрейд не ограничился развенчанием идеи андрогинности, длительное время сохранявшейся и в сознании философов, и в сознании обывателей в качестве всеобщей формы любовных отношений. Он подверг сомнению и основания куртуазной, романтической любви, связав ее с симптомами психологической импотенции. «...Если мы не будем расширять понятие о психической импотенции, ... то не сможем не согласиться с тем, что любовные проявления мужчины в нашем современном культурном обществе вообще носят типичные признаки психической импотенции. Нежное и чувственное течения только у очень немногих интеллигентных мужчин в достаточной степени спаяны; мужчина почти всегда чувствует себя стесненным в проявлениях своей половой жизни благодаря чувству уважения к женщине...» [18, с. 46]. И далее: «Полное половое удовольствие он может испытать только тогда, когда безудержно отдастся наслаждению, на что он, например, не осмеливается со своей высоконравственной супругой. Отсюда происходит его потребность в униженном половом объекте, женщине, этически малоценной, у которой, по его мнению, нет эстетических требований, которой неизвестны его общественные отношения, и она не в силах о них судить» [18, с. 46].

З. Фрейд прямо указывает на невозможность полного сексуального удовлетворения в ситуации отношений, построенных на нравственности и уважении. Поэтому мужчина, поступающий «по Канту», т. е. стремящейся к благодеянию, «по Фрейду» вынужден врать самому себе, что это единственный или главный его мотив. Если природная сексуальность подавляется нравственными обязательствами и общественными ожиданиями, то это приводит к невротическим симптомам.

В понимание противоречивости любви З. Фрейд внес тему конфликта принципа удовольствия и принципа реальности, а в противовес всеобщему господству Эроса объявил столь же всеобщее господство Танатоса.¹⁴

Заметным явлением первой половины XX века стало течение, получившее название «фрейдомарксизм», оно объединило философов и психологов различных направлений, поставивших целью соединение идей К. Маркса и З. Фрейда.

Нам представляется, что крайние позиции в этом течении могут быть связаны с именами Вильгельма Райха¹⁵ (1897–1957 гг.) и Эриха Фромма (1900–1980 гг.). В. Райх большее значение придавал фрейдовской теории сексуальности и проблемам, связанным с ее подавлением, Э. Фромм — сформулированной К. Марксом проблеме отношений личности и социума, проблеме обретения личной свободы и продуктивности.

Имя В. Райха часто упоминается, когда говорят о сексуальной революции в Европе и США. В книге именно с таким названием — «Сексуальная революция» — он пишет: «...Наличие строгих моральных норм всегда свидетельствовало о неудовлетворенности ... сексуальных потребностей людей. Всякое моральное регулирование само по себе неизбежно отвергает сексуальность... Каждая мораль отрицает жизнь, а у социальной революции нет, конечно же, более важной задачи, чем сделать наконец возможной жизнь человеческих существ, а также осуществить и удовлетворить их желания» [18, с. 84]. «Половой акт как

¹⁴ Танатос — в древнегреческой мифологии это бог смерти, в понятийном строе теории З. Фрейда означает бессознательное стремление к смерти как полному аннулированию конфликтов человеческой психики.

¹⁵ В. Райх был первым клиническим ассистентом З. Фрейда, а затем в 1924 г. стал директором первого учебного института психоанализа. Имя Wilhelm Riech в русских изданиях встречается в двух транскрипциях: Рейх или Райх.

таковой, — по мнению В. Райха, — не является ни нравственным, ни безнравственным. Порожденный сильным природным влечением, он становится таким или другим только под действием мышления и сопутствующих развитию человека обстоятельств» [18, с. 124]. Это почти повторяет приведенное ранее высказывание Павсания из «Пира» Платона.

Сексуальная революция vs государственное регулирование отношений

Сексуальная революция чаще всего ассоциируется с молодежными движениями 1960-х в Европе и США, при этом упоминается «эра хиппи» и, непременно, фестиваль «Вудсток» (1969 г.). Однако хронологически первая сексуальная революция произошла в 1920-х гг. в СССР (строго говоря, началась она до образования СССР, в Российской Советской Республике еще в 1917–1918 гг.).¹⁶ В. Райх, посетивший СССР в 1929 г., утвердился в своем представлении о том, что пролетарская революция и сексуальная революция неразрывно связанные процессы освобождения человека. Он восхищался результатами работы «секспросвета», руководимого одним из организаторов советского здравоохранения Г.А. Баткисом.

Сексуальное раскрепощение входило в большевистскую программу преобразования общественного уклада, нацеленную, прежде всего, на разрушение прежних оснований брака. Патриархальный брак, освещаемый церковью и имеющий целью рождение и воспитание потомства, и буржуазный брак, описанный Ф. Энгельсом, — основанный на отношениях собственности, — были объявлены пережитками. Спонтанно стали возникать такие общества как «Лига свободной любви» и «Долой стыд», пропагандирующие полное сексуальное раскрепощение, возникали сексуальные коммуны. Тогдашнее упрощение морали четко выражено в формуле «стакана воды», принадлежащей А.М. Коллонтай. Романтическая сентиментальная любовь с ее условностями определялась как предрассудок, поэтому должна была быть устранена как препятствие на пути свободных естественно-природных, т. е. откровенно сексуальных отношений.

С приходом к власти большевиков были легализованы аборт, отменялось преследование за гомосексуальные связи, утверждалось равенство мужчины и женщины в брачных и внебрачных отношениях, супругами теперь считались партнеры в интимных отношениях независимо от того, зарегистрирован ли их брак.

При этом большевики, вопреки существующему мнению, не отменяли брак, они изменили регулирование брачных отношений. Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг гражданского состояния» и декрет «О расторжении брака» отстранял церковь от заключения и расторжения брака.

Очень скоро декларации свободы любовных отношений сменились усилиями власти по идеологизации этой сферы, упорядочивании личной жизни граждан в соответствии принципами пролетарской этики. В одном из положений «Двенадцати половых заповедей революционного пролетариата» (1924 г.), написанной А.Б. Залкиндом, утверждается, что пролетарии не должны растрчивать энергию на такие связи, которые не способствуют выполнению исторической миссии пролетариата. В конце 1920-х годов с приходом к власти Сталина судьба советской сексуальной революции была предрешена. Ужесточался контроль над всеми сферами жизни, сначала не поощрялись, а затем и были вовсе запрещены сексуальные вольности, аборт и гомосексуализм.

¹⁶ Великая сексуальная революция — один из большевистских проектов, вдохновительницами которого были Инесса Арманд и Александра Коллонтай. А.М. Коллонтай принадлежит ряд статей и книг, в том числе «Новая мораль и рабочий класс», «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)», пропагандирующих освобождение женщины от необходимости и обязательности брака и допущение внебрачных отношений.

5 декабря 1936 г. VIII Всесоюзный чрезвычайный съезд Советов принял «Сталинскую конституцию», это окончательно «отменило» советскую сексуальную революцию.

Э. Фромм. Маркетинговая ориентация vs продуктивная любовь

В работах Э. Фромма анализ причин и форм расчеловечивания и овещения отношений между людьми, начатый К. Марксом и Ф. Энгельсом был продолжен.

«Заурядный человек сегодня ужасно одинок и чувствует себя одиноким, — пишет Э. Фромм в работе “Мужчина и женщина”. — Он предлагает себя в качестве товара и чувствует, что его стоимость зависит ... от признания его другими людьми. Он замечает, что цена его не определяется ни ... его силой, ни способностью любить и ни его человеческими качествами. Она определяется тем, как он может продать эти качества или благодаря им достичь успеха и признания других людей. Это то, что я подразумеваю под “маркетинговой ориентацией”» [19, с. 119]. В книге «Искусство любить» такая ориентация рассматривается как преобладающая установка в построении интимных отношений. «Счастье современного человека, — пишет Э. Фромм, — состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить... Он (или она) и на людей глядят подобным образом. Для мужчины привлекательная женщина — для женщины привлекательный мужчина — это добыча, которой они являются друг для друга. ...Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком» [20, с. 128].

Любовь перестала быть тайной, даром провидения, она теперь не связана с божественным заветом, а если и ассоциируется с ним, то в лишь качестве предписания соблюдения моральных норм (наряду с выполнением условий брачного контракта). Рыночное мировоззрение трансформирует образ Бога в некое подобие главного менеджера. «...Бог превратился в далекого Генерального директора акционерного общества Вселенной: ты знаешь, что он есть, что он руководит предприятием (хотя, вероятно, оно также могло бы управляться и без него), ты никогда не увидишь его, но ты признаешь его руководство, делая то, что тебе надлежит» [20, с. 182].

Что противостоит маркетинговой ориентации и вещным отношениям? Э. Фромм противопоставляет этому продуктивную любовь «Хотя объекты любви различны и интенсивность ее может быть разной, — пишет Э. Фромм, — тем не менее есть общие свойства, присущие всем формам продуктивной любви. *Это забота, ответственность, уважение и знание* (курсив по цитируемому изданию. — А.М., И.Ж.). Забота и ответственность означают, что любовь — это деятельность, а не страсть, захватывающая человека, не аффект, под влиянием которого оказывается человек» [20, с. 86]. Или, в краткой и категоричной форме: «Любовь — это активная заинтересованность в жизни и развитии объекта любви» [20, с. 193]. Эта характеристика снова возвращает нас к И. Канту, его идее «благотворения» и «практической любви».

«Великий отказ» Г. Маркузе

Герберт Маркузе (1898–1979 гг.) так сформулировал свое отношение к фроммовской теории: «Фромм пытается вернуть к жизни все освященные веками ценности идеалистической этики... Он говорит ... о продуктивной любви и счастье — как будто действительно возможно, осуществляя все это, по-прежнему оставаться здоровым и “благополучным” в обществе ... тотального отчуждения, в котором все решают товарные

“рыночные” отношения» [21, с. 271]. Г. Маркузе полагает, что для приближения к тому, что Э. Фромм назвал продуктивной любовью, современному человеку необходимо актуализировать механизм двойного подавления. Во-первых, необходимо ограничить проявления свободы и счастья своим внутренним миром. Во-вторых, и в этом мире актуализировать механизм цензуры, ограничивая их проявления «...пока они не станут совместимыми с господствующими несвободой и несчастьем» [21, с. 271].

И в итоге, «как следствие, продуктивность, любовь, ответственность являются “ценностями” лишь постольку, поскольку они включают в свое содержание управляемое смирение и вписываются в рамки социально полезных типов деятельности (иными словами, после репрессивной сублимации), что приводит к отрицанию свободной продуктивности и ответственности — к отказу от счастья» [21, с. 272].

В условиях рыночной и технологической цивилизации продуктивная любовь «по Фромму» невозможна или становится уделом изгоев, маргиналов и аутсайдеров (представителей субкультуры хиппи, например), поэтому Г. Маркузе декларирует «Великий Отказ» — отказ от репрессивной цивилизации и сформировавшейся в ней системы ценностей. По его мнению, существующая цивилизация отбирает энергию Эроса и использует обширный арсенал средств для ее трансформации в источник поддержки своей власти. Это ведет к передаче энергии на полюс Танатоса, ведь других генерализованных установок, согласно Фрейду, у человека и человечества нет. Если Эрос не способен контролировать энтропию и деструктивные импульсы, контроль передается Танатосу, мертвым, технологизированным средствам и институтам власти и контроля. (В терминологии Э. Фромма, это смена биофильской ориентации на некрофильскую.)

Выход из ситуации и возвращение к человеческому существованию видится в отказе от репрессивной цивилизации, основанной на «прибавочной репрессии» — извлечении прибыли из репрессивной сублимации. Г. Маркузе призывает не сдерживать процесс отчуждения труда, а напротив, усилить эту тенденцию, полностью его автоматизировать, сократив рабочее время. Тогда освобождение репрессированной сексуальной энергии приведет к восстановлению торжества Эроса.

Но Великий Отказ остается лишь утопией в ряду других утопий и может быть определен как своего рода «сексуальный коммунизм». Один из вариантов такого проекта мы упоминали в связи с советской сексуальной революцией.

Заключение

Выбор темы любви для философско-психологического анализа и проведения эмпирических исследований, на наш взгляд, предполагает обращение к тем коллизиям, которые пережила человеческая любовь в истории культуры. Все существующие противоречия возникли не вчера, они имеют культурно-историческое происхождение.

Это противоречия телесного и духовного, сексуального и собственно эротического, беспредельно свободного и ответственного, инфантильно-слезливого и активно-действенного, вещно-утилитарного и ценностно человеческого, унижения и уважения, нисхождения в ад страстей и обожествления. Представленный краткий экскурс в «историю вопроса» показал, что субстанциональной любви (ап. Павел), любви-благодетелю (И. Кант), продуктивной любви (Э. Фромм) и другим возвышающим и осмысленным ее проявлениям всегда противостояли расчеловечивающие тенденции.

Эмпирическое исследование в этой области сопряжено с рядом принципиальных трудностей. Во-первых, исследователь, если он не психотерапевт, не вправе рассчитывать на

полную откровенность человека, поскольку в столь интимных переживаниях и мотивах человек может не признаваться даже себе. Во-вторых, при том, что эта область жизни претендует на индивидуальную неповторимость, в ней обнаруживается множество стереотипов, образующих защитный слой такой толщины, что выяснить истину бывает весьма трудно. В-третьих, в отличие от исследований интеллекта, это не та область, в которой можно полагаться на применение тестов. (Тесты, для выявления гендерной идентичности соотносятся с проблемой любви лишь косвенно, а популярные тесты, на выявление совместимости партнеров часто не имеют научных оснований.)

Мы полагаем, что ближе всего к индивидуальным переживаниям и мотивам, вызванным любовью, позволяют подобраться проективные методики и нарративные техники. Для создания проективных методик нужны такие стимулы, которые, с одной стороны, обладали бы достаточной мерой неопределенности, с другой стороны могли бы провоцировать такие ассоциации, в которых проявлялась бы ориентация на один из полюсов вышеуказанных и еще не выявленных противоречий. Исследования в этой области показывают эффективность проективных техник [22–24], метода виньеток¹⁷ и похода, разработанного в сказкотерапии [25; 26]). Представленный здесь анализ поможет уточнить ориентиры для рассмотрения уже полученного материала и для предстоящих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер В.С. Замыслы: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. И. Е. Берлянд; сост., подгот. текста И. Н. Берлянд при участии А. В. Ахутина. — М.: Издат. центр РГГУ, 2002. — 876 с.
2. Эльконин Б.Д. Действие как единица развития // Вопросы психологии. — 2004. — № 1. — С. 35–49. — EDN: LHANRJ.
3. Любовь. Что о ней говорят философы / Платон, Фридрих Ницше, Эрих Фромм и др.; авт.-сост. Н. Плужникова. — М.: АСТ, 2024. — 288 с.
4. Первое послание к Коринфянам Святого Апостола Павла // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета канонические в русском переводе с параллельными текстами. — Минск: PICORP, 1992. — С. 204–218.
5. Послание к Ефесеянам Святого Апостола Павла // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета канонические в русском переводе с параллельными текстами. — Минск: PICORP, 1992. — С. 234–239.
6. Крамер Г. Молот ведьм / Г. Крамер, Я. Шпренгер. — М.: АСТ, 2023. — 352 с.
7. Зинченко Ю.П. Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода: монография. — М.: ТК Велби; Проспект, 2003. — 144 с.
8. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век / пер. с нем. — М.: Республика, 1994. — 479 с.
9. Маркиз де Сад. Философия в будуаре или Безнравственные наставники. — М.: Омега-Л, 2021. — 256 с.
10. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. — СПб.: Наука, 1995. — 528 с.

¹⁷ Бочавер К.А. Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2012. — 26 с.

11. Мачульская О.И. Тема любви в этической концепции И. Канта // История философии. — 2000. — № 5. — С. 92–101.
12. Кант И. Метафизика нравов. "Ты должен, значит ты можешь". — М.: Родина, 2022. — 270 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. — М.: «Мысль», 1977. — 471 с.
14. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
15. Маркс К. Конспект книги Джемса Милля "Основы политической экономии" // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — Т. 42. — С. 5–40.
16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1961. — Т. 21. — С. 23–178.
17. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности (сборник). — М.: Эксмо, 2021. — 312 с.
18. Рейх В. Сексуальная революция. — М.: Профит Стайл, 2023. — 324 с.
19. Фромм Э. Мужчина и женщина. — М.: АСТ, 1998. — 509 с.
20. Фромм Э. Искусство любить. — М.: АСТ, 2014. — 224 с.
21. Маркузе Г. Эрос и цивилизация: Философское исследование учения Фрейда. — Киев: ИСА, 1995. — 352 с.
22. Медведев А.М. Субъектность и личные теории в построении интимно-личного отношения в юношеском возрасте / А.М. Медведев, М.Е. Сивишкина // Психология обучения. — 2013. — № 6. — С. 104–118. — EDN: QARWWH.
23. Сивишкина М.Е. Культурная провокация как техника изучения интимно-личных отношений в юношеском возрасте // Психология обучения. — 2015. — № 6. — С. 50–64. — EDN: TUGQNZ.
24. Сивишкина М.Е. Техника культурной провокации в исследовании стереотипов "любви" и "семьи" в сознании современных студентов // Сибирский психологический журнал. — 2015. — № 56. — С. 177–192. — DOI: 10.17223/17267080/56/14. — EDN: TXOSCD.
25. Вачков И.В. Сказкотерапия: Развитие самосознания через психологическую сказку. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Ось-89, 2007. — 144 с.
26. Вачков И.В. Введение в сказкотерапию. — М.: Генезис, 2022. — 288 с.

Medvedev Alexander Mihajlovich

Moscow City University, Moscow, Russia

E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642349

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=36802216800>

Zhulanova Irina Viktorovna

Moscow City University, Moscow, Russia

E-mail: irina.julanova2010@yandex.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=322649

Love: historical and philosophical-psychological analysis of contradictions

Abstract. The article is devoted to the historical and cultural collisions experienced by human love and its understanding by thinkers of different epochs from Antiquity to our time. The idea of historical reconstruction was determined by the idea of transhistoricism. According to this idea, there are images and situations that are transcendent in relation to the historical and cultural formation that created them. They persist in modern culture, continuing to shape the guidelines of human consciousness in such an important area as the construction of intimate-personal relationships, claiming to manifest love and achieve happiness. The purpose of this article is to provide students of psychology with a historical background and orientation in understanding such a complex phenomenon as human love. In addition, we were guided by an ambition to bring such a subject closer to the field of cultural-historical psychology, since love is undoubtedly a psychological phenomenon mediated by cultural canons. So far, the subject has been studied primarily in the psychoanalytic tradition. The article presents a punctuated historical excursion based on the works of famous historians, philosophers and psychologists. The works of Plato, Apostle Paul, K. Alexandrinsky, J. Sprenger and G. Kramer, E. Fuchs, I. Kant, G. Hegel, K. Marx and F. Engels, S. Freud, W. Reich, E. Fromm and G. Marcuse became such supports. The historical prototypes of images and prototypes of male-female relations, fixed by us, were used in the construction of projective techniques, revealing the ideas of modern youth about love and family happiness.

Keywords: love; Antiquity; Middle Ages; Christianity; devil-worshipping; courtesan love; marriage contract; sexual revolution; productive love; the Great Refusal